
Keywords: knowledge, knowledge-intensive services, postindustrial society, education services, information and communication technologies.

UDC 001.101:330.342.2

*Статья поступила
в редакцию 30.06. 2015 г.*

А. П. ЛЕВКОВИЧ

ОЦЕНКА ПЕРСПЕКТИВ ВАЛЮТНОЙ ИНТЕГРАЦИИ СТРАН ЕВРАЗИЙСКОГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО СОЮЗА

Исследуются предпосылки, раскрываются факторы, обуславливающие интеграционный выбор в ЕАЭС. Дана оценка предпосылок валютной интеграции по критериям открытости экономики, мобильности факторов производства, диверсификации экономики, темпов инфляции, стабильности обменных курсов валют стран-участниц. Сделан вывод, что модель валютной интеграции в форме валютного союза может быть реализована в средне- или долгосрочном периоде по мере реализации реальной конвергенции национальных экономик интегрирующихся стран.

Ключевые слова: валютная интеграция, Евразийский экономический союз, валютный союз, открытость экономики, реальная конвергенция.

УДК 339.742.2

Интеграция в валютной сфере мировой экономики выступает важнейшей тенденцией современного экономического развития. Глобализация в условиях либерализации трансграничных потоков капитала характеризуется усилением взаимных колебаний курсов национальных валют и имеет одним из следствий развитие глобальных валютных и финансовых кризисов. Это предопределяет углубление сотрудничества стран и их групп в валютной сфере с целью повышения устойчивости национальных финансовых систем и обеспечения стабильности валютных курсов. Валютная интеграция в мировой экономике протекает в различных формах: параллельное хождение валют, долларизация, взаимная стабилизация валютных курсов, формирование валютного союза и введение единой валюты. Валютный союз выступает завершающей стадией развития международной валютной интеграции и предполагает формирование ряда объективных предпосылок.

Наиболее динамично развивающимся интеграционным объединением постсоветского пространства в настоящее время является Евразийский экономический союз, пришедший на смену Единому экономическому пространству (ЕЭП) России, Беларуси и Казахстана с 01. 01. 2015 г. В настоящее время в состав ЕАЭС вошли также Республика Армения и Республика Кыргызстан. В этой связи оценка предпосылок и перспектив валютной интеграции в ЕАЭС приобретает особую актуальность.

Анна Павловна ЛЕВКОВИЧ (Anna.levkovich@mail.ru), кандидат экономических наук, доцент кафедры международного бизнеса Белорусского государственного экономического университета (г. Минск, Беларусь).

Факторами, обуславливающими экономическую интеграцию в ЕАЭС, выступают:

- возможность образования достаточно емкого рынка сбыта;
- самодостаточность и взаимодополняемость по основным видам топливно-энергетических и сырьевых ресурсов и отраслевой диверсификации промышленного потенциала;

- высокая технологическая общность производственного потенциала, обеспечивающая его технологическую конкурентоспособность в границах интегрируемого пространства;

- низкая конкурентоспособность продукции обрабатывающих отраслей на других рынках, прежде всего экономически развитых государств;

- примерно одинаковая степень развития трансформационных процессов и вытекающая из этого достаточно однородная общая экономическая среда.

Основой сотрудничества в валютной сфере в ЕАЭС в настоящее время является межправительственное соглашение стран — ядра Евразийского экономического союза — России, Беларуси и Казахстана «О согласованных принципах валютной политики» от 09. 12. 2010 г. В целях проведения согласованной валютной политики страны-участницы Единого экономического пространства взяли на себя обязательства по координации политики обменного курса национальных валют для обеспечения расширения использования национальных валют во взаимных расчетах резидентов; обеспечению конвертируемости национальных валют по текущим и капитальным статьям платежного баланса; созданию условий для прямых взаимных котировок национальных валют; обеспечению проведения взаимных расчетов между участниками внешнеэкономической деятельности государств-участников в их национальных валютах без ограничений; недопущению множественности официальных обменных курсов национальных валют, по формированию интегрированного валютного рынка и др. [1]. Содержание данного соглашения позволяет утверждать, что целью функционирования интеграционного объединения выступает и развитие интеграции в валютной сфере.

Выявление предпосылок и перспектив интеграции стран ЕАЭС в валютной сфере и возможности формирования ее в высшей форме — форме валютного союза — основывается на теории оптимальных валютных зон. Понятие «оптимальная валютная зона» используется для обозначения «оптимальной» (в географическом смысле) области, на территории которой общеупотребительным средством платежа является либо единая валюта, либо группа валют, двусторонние обменные курсы которых жестко фиксированы, тогда как по отношению к остальным мировым валютам используется режим плавающего обменного курса. Одновременно могут использоваться и другие термины, которые тесно связаны с понятием оптимальной валютной зоны — «валютная интеграция» и «валютный союз». Они обозначают группу стран, на территории которых обращается единая валюта (новая или валюта одной из стран) [2, 9]. Условно можно выделить два подхода к анализу проблемы определения оптимальных валютных зон — традиционный (критериальный) и альтернативный [2, 11].

В рамках *традиционного подхода* авторы стремятся выделить различные экономические характеристики и показатели, которые позволят идентифицировать размеры и контуры оптимальных валютных зон в мире, т. е. предлагается некоторый критерий для определения оптимальной валютной зоны. Основы данного подхода были заложены в 60-х гг. XX в. в работах Р. Манделла, Р. Маккиннона, П. Кинена (R. Mundell, 1961; R. McKinnon, 1963; P. Kenen, 1969). *Альтернативный* подход обосновывает ограниченность традиционного подхода и предлагает определять оптимальную валютную зону на основе сопоставления различных выгод и издержек, с которыми может столкнуться страна при валютной интеграции.

Традиционный подход к анализу оптимальности валютной зоны основан на предположении, что ее границы могут быть определены исходя из какого-

либо одного выбранного критерия. В рамках данного подхода в различных работах предлагается использовать ряд критериев.

1. Мобильность факторов производства — капитала и рабочей силы — условие, которое Р. Манделл считал основным: «...главным ингредиентом как общей валюты, так и единой валютной зоны является высокая степень мобильности факторов производства» [3, 70]. Мобильность факторов производства выступает корректирующим механизмом вместо плавающего валютного курса. В частности, мобильность труда стала первым критерием в теории оптимальной валютной зоны.

2. Открытость экономики и ее размер — другой экономический показатель, на основе которого предлагалось определять границы оптимальной валютной зоны. Он был указан в работе Р. Маккиннона «Optimum Currency Areas» (1963), где обсуждалась роль открытости экономики. При этом в качестве критерия открытости использовалось соотношение торгуемых и неторгуемых товаров: чем больше эта величина, тем более открыта экономика и тем больше она зависит от связей с внешним миром [3, 77–92].

3. Диверсификация экономики. Дальнейший вклад в теорию оптимальной валютной зоны связан с именем П. Кинена и его работой «The Theory of Optimum Currency Areas: An Eclectic View» (1969). В целом он поддерживал основные положения Манделла и Маккиннона, однако поставил под сомнение адекватность выделения оптимальных валютных зон по принципу мобильности факторов производства. Объяснялось это тем, что, по мнению автора, такого рода мобильность практически не встречается. Диверсифицированность национальной экономики, наличие в одной стране значительного числа моноотраслевых регионов, по мнению Кинена, является более подходящим критерием, чем мобильность трудовых ресурсов. В высокодиверсифицированной экономике внешние шоки быстрее сглаживаются, следовательно, нет необходимости прибегать к обменному курсу для исправления перекосов в платежном балансе [3, 92–117].

4. Сходство темпов инфляции. В начале 1970-х гг. появился ряд работ, например, работа Дж. М. Флеминга (1971), где в качестве критерия оптимальности валютной зоны предлагалось использовать сходство темпов инфляции. Данный критерий рассматривает проблему с монетарной точки зрения в отличие от более ранних критериев, основу которых составляли реальные характеристики экономики. При этом Флеминг выделял несколько условий, способствующих установлению схожих темпов инфляции, например, сходство политики в области занятости, сходство темпов экономического роста и позиций профсоюзов [2, 21]. Инфляция может рассматриваться в качестве одного из критериев оптимальности валютной зоны, поскольку наличие существенных расхождений в темпах изменения цен приводит к расхождению покупательной способности национальных валют стран, которая может корректироваться с помощью изменения обменного курса.

5. Экономическая интеграция. Различные характеристики экономической интеграции между странами также рассматривались в качестве потенциальных критериев оптимальности валютной зоны. Еще Р. Манделл в 1961 г. отмечал, что схожая структура производства у двух потенциальных участников валютного союза снижает вероятность воздействия на них асимметричных шоков, поскольку любые шоки будут оказывать влияние на обе страны. В итоге, плавающий обменный курс в меньшей степени будет необходим для стран со схожей структурой производства с целью противодействия асимметричным шокам. В качестве критерия оптимальности Дж. Инграм (1969) предложил использовать интеграцию финансовых рынков. Другой мерой экономической интеграции является фискальная интеграция стран (Р. Кенен, 1969; Н. Fukuda, 2002) [2, 23].

6. Политическая интеграция. Неотъемлемым элементом валютного объединения являются политические и институциональные аспекты. Правительства стран

должны гарантировать выполнение всех взятых на себя обязательств по поддержанию фиксированного обменного курса, а также в случае необходимости по проведению более жесткой фискальной и денежно-кредитной политики в период объединения, что может потребоваться для приведения в соответствие фундаментальных показателей экономического развития рассматриваемых стран.

7. Прочие критерии оптимальности валютной зоны. Другие, более формальные критерии оптимальности валютных зон, среди них в первую очередь так называемые «прокси»-критерии основаны лишь на анализе динамики макроэкономических индикаторов, в отличие от критериев, основанных на фундаментальных характеристиках стран, способствующих объединению [2, 28; 4].

В рамках альтернативного подхода признается неадекватность определения оптимальности валютной зоны с точки зрения какого-то одного критерия. Предлагается оценивать все издержки и выгоды от вступления каждой отдельной страны в валютный союз.

Выгоды от валютной интеграции включают:

- 1) снижение транзакционных издержек, издержек конвертации и форвардных покрытий;
- 2) снижение спекулятивной активности на валютном рынке;
- 3) повышение эффективности финансовых операций и риск-менеджмента на финансовом рынке;
- 4) положительное влияние на взаимную торговлю между странами;
- 5) возможность снизить риск путем объединения резервов стран-участниц;
- 6) экономию на резервах.

В качестве издержек чаще всего рассматриваются:

- 1) невозможность более использовать плавающий обменный курс в качестве инструмента стабилизации платежных балансов после воздействия различных шоков;
- 2) потеря независимости в проведении денежно-кредитной политики;
- 3) возможная потеря независимости фискальной политики страны;
- 4) углубление различий между богатыми и бедными регионами союза по уровню благосостояния;
- 5) издержки, связанные с приспособлением к новой валюте, например, издержки по печатанию и по распространению новых денежных знаков.

Анализ предпосылок создания единого валютного пространства в рамках ЕАЭС и их оценка по ряду критериев показали следующее.

1. Открытость экономики. Наибольшей открытостью характеризуется экономика двух стран — Республики Кыргызстан и Республики Беларусь. Внешнеторговая квота этих стран в 2013–2014 гг. составила соответственно 136,2 и 126,5 %, 123,2 и 115,3 % (табл. 1).

Таблица 1. Показатели открытости экономики стран ЕАЭС в 2013–2014 гг., % к ВВП

Страна	Экспорт товаров и услуг к ВВП		Импорт товаров и услуг к ВВП		Внешняя торговля к ВВП	
	2013 г.	2014 г.	2013 г.	2014 г.	2013 г.	2014 г.
Российская Федерация	28,3	30,3	22,5	23,1	50,8	53,4
Республика Беларусь	60,5	57,4	62,7	57,9	123,2	115,3
Республика Казахстан	39,1	40,2	27,2	26,5	66,3	66,7
Республика Армения	29,0	30,5	49,3	50,2	78,3	80,7
Республика Кыргызстан	43,0	37,9	93,2	88,6	136,2	126,5

Примечание: наша разработка на основе [5].

Данный показатель для России составил 53,4, для Казахстана — 66,7 % в 2014 г., что в два раза ниже относительно стран с наиболее высокой квотой.

Торговая интеграция также характеризует степень взаимной открытости стран ЕАЭС (табл. 2).

Таблица 2. Показатели взаимной торговли товарами стран ЕАЭС в 2014 г.

Страна	Доля в экспорте, %					Доля в импорте, %				
	Россия	Беларусь	Казахстан	Армения	Кыргызстан	Россия	Беларусь	Казахстан	Армения	Кыргызстан
Россия	—	4,0	2,8	0,2*	0,4*	—	4,1	2,5	0,1*	0,03*
Беларусь	42,2	—	1,0	0,08	0,24	54,6	—	0,7	0,02	0,016
Казахстан	6,6	1,8	—	0,0	0,9	33,3	0,0	—	0,0	0,9
Армения	20,3	0,6	0,5	—	...	17,5	0,7	0,1	—	...
Кыргызстан	7,4	0,3	22,3	...	—	32,3	1,6	10,0	...	—

* — данные за 2013 г.; ... — данные отсутствуют¹.

Примечание: наша разработка на основе [6–10].

Наибольшей открытостью характеризуется экономика Республики Беларусь по отношению к России: доля последней в экспорте товаров составляет 42,2 %, в импорте — 54,6 %. Эти показатели близки к параметрам внутриевропейской торговли. Значительной открытостью характеризуются экономики группы интегрирующихся стран по отношению к Российской Федерации: для них в целом характерны высокие показатели удельного веса экспорта и импорта в (из) России в географической структуре торговли. Значительна торговая интеграция Кыргызстана с Республикой Казахстан: на него приходится 22,3 % экспорта и 10,0 % импорта товаров. В целом группа стран характеризуется высокой степенью открытости по отношению к России.

Размер экономик стран ЕАЭС разный. Оценка относительного размера экономик стран к стране-якорю (очевидно, что такой страной в ЕАЭС выступает Россия) показывает, что он невелик. Так, в 2014 г. ВВП России, по данным Всемирного банка, составил 1 860,6 млрд дол. США, Беларуси — 76,1 млрд дол. США, или 4,1 %, Казахстана — 212,2, или 11,4, Армении — 10,9, или 0,6, Кыргызстана — 7,4 млрд дол. США, или 0,4 % ВВП Российской Федерации [5].

В целом открытость экономик стран ЕАЭС и их размер следует рассматривать в качестве благоприятной предпосылки валютной интеграции.

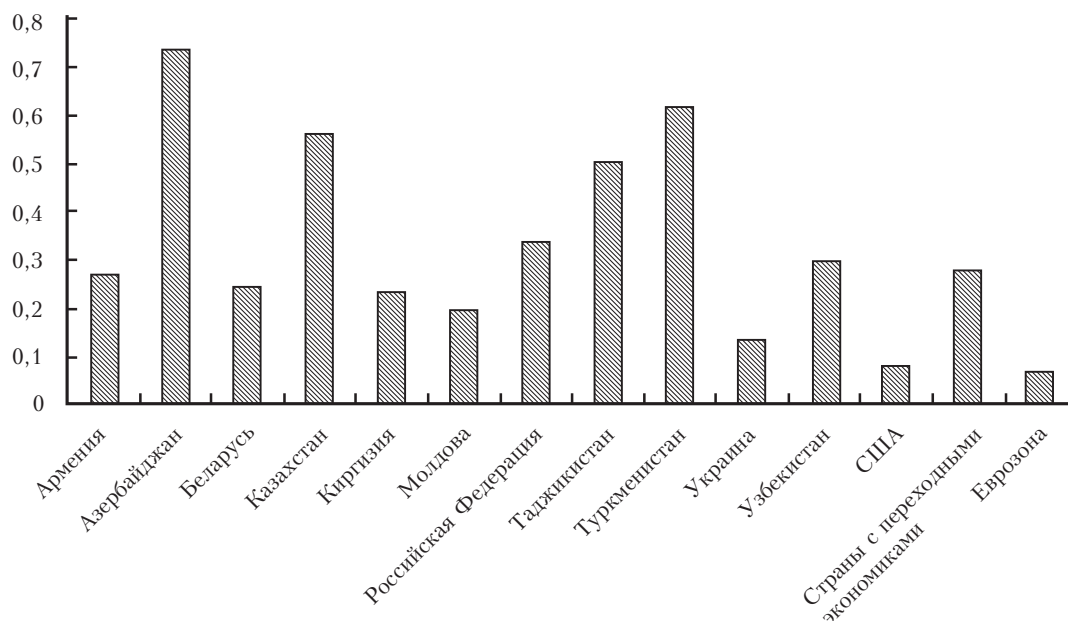
2. Мобильность факторов производства. Между тремя странами — основателями ЕАЭС (Россия, Беларусь и Казахстан) имеет место частичная мобильность факторов производства. В национальные программы развития России, Беларуси и Казахстана с момента подписания договора о создании Единого экономического пространства были заложены показатели миграции для стран-участниц (60 тыс. в год — планируемый объем сальдо миграции), однако они не были достигнуты даже с учетом нелегальной миграции. Для всех стран ЕАЭС характерно доминирование внутригосударственной миграции и низкие ее показатели в пределах стран-участниц. Так, по данным Межгосударственного статистического комитета СНГ, в 2013 г. доля прибытий (убытий) из (в) страны СНГ составила: для Армении — 16,3 (2,3 %); Беларуси — 6,5 (2,5); Казахстана — 5,6 (6,2); Кыргызстана — 11,5 (25,8); России — 9,4 (3,5 %) [11]. Вместе с тем, в рамках группы стран ЕАЭС относительные по-

¹Отсутствие данных по отдельным странам объясняется низким уровнем значения показателя (страна не входит в группу стран — основных торговых партнеров).

казатели миграции являются более высокими. Так, доля прибывших из стран ЕАЭС в Российскую Федерацию в 2013 г. составила 29,1 % иммигрантов, выехавших в данные страны — 23,9 % эмигрантов [12]. В Казахстане в 2014 г. доля эмигрантов г. в страны ЕАЭС составила 88,6 % их общего количества, в России — 82,4 %, иммигрантов из ЕАЭС — 29,4 %, из России — 22,1 % [13]. В Беларуси международная миграция полностью ориентирована на Россию: в 2014 г. сюда направлялись 50,6 % выезжающих, 36,6 % приезжающих. Доля Казахстана в общем числе мигрантов составляет лишь 9 % [14]. Итак, Россия выступает основным центром притяжения мигрантов в рамках ЕАЭС.

Существуют барьеры на пути движения капитала. В Беларуси, в частности, сохраняются ограничения на вывоз капитала, и государство оказывает существенное влияние на формирование инвестиционного климата.

3. Диверсификация экономики. Для евразийской интеграции характерна низкая степень диверсификации экспорта и импорта товаров, т. е., по сути, производства и потребления, при этом из стран ЕАЭС наиболее концентрирован экспорт и импорт Казахстана (см. рисунок). Анализ усредненных значений индекса концентрации за 2000—2013 гг. показывает, что большинство стран — членов СНГ и ЕАЭС уступают по степени диверсификации внешней торговли как странам с переходной экономикой, так и еврозоне и США.

Индекс концентрации экспорта и импорта товаров отдельных стран в среднем за 2000—2013 гг.

Примечание: наша разработка на основе [15].

Причиной низкой степени диверсификации внешней торговли России и Казахстана является, прежде всего, преобладание экспортно-сырьевой модели развития их экономик. Так, в структуре экономики России в 2013 г. доля добывающих отраслей составила 9,3, обрабатывающей промышленности — 12,8, сельского хозяйства — 3,2 %, в Казахстане — соответственно 15,5, 10,9 и 4,6 %, тогда как в Беларуси — 1,0, 23,5 и 7,9 %, Армении в 2012 г. — 3,4, 14,5, 19,6 % [16—19]. Далее, доля минеральных продуктов, а также металлов, драгоценных камней и изделий из них в экспорте Казахстана достигла в 2014 г.

90,9 % [7, 70], в экспорте России — 77,7, Киргизии — 58,1 [8, 42], Беларуси — 40,8 % [6, 39], хотя экспортно-сырьевая модель характерна для нашей страны в наименьшей степени.

Таким образом, в настоящее время в странах ЕАЭС не достигнута реальная конвергенция по критерию диверсифицированности экономики, экспорта и импорта товаров. При преобладании в структуре внешней торговли сырья, цены на которое определяются на мировом рынке, экономика более уязвима для внешних изменений конъюнктуры и единая валюта менее привлекательна. Рассмотренные данные свидетельствуют о необходимости диверсификации структуры как внутренней экономики, так и внешней торговли стран — членов ЕАЭС, что требует перехода от экспортно-сырьевой к инновационной модели экономического развития.

4. Темпы инфляции. Серьезной проблемой евразийской интеграции является ценовая нестабильность и существенная дифференциация в темпах инфляции по странам. С 2014 г. для стран — ядра ЕАЭС вступили в силу количественные ориентиры для проведения согласованной макроэкономической политики: годовой дефицит государственного бюджета не должен превышать 3 % ВВП; уровень государственного долга к ВВП — не более 50 %; уровень инфляции не должен превышать более чем на 5 % уровень инфляции государства, имеющего наименьший рост цен [20]. Однако в странах сохраняются существенные различия в темпах инфляции, а названный критерий, как свидетельствуют данные за 2014 г., не выполняется (табл. 3).

Таблица 3. Динамика индекса потребительских цен в странах ЕАЭС в 2006—2014 гг., %

Страна	Год								
	2006	2007	2008	2009	2010	2011	2012	2013	2014
Россия	9,7	9,0	14,1	11,7	6,9	8,4	5,1	6,8	7,8
Беларусь	7,0	8,4	14,8	13,0	7,7	53,2	59,2	18,3	18,1
Казахстан	8,6	10,8	17,1	7,3	7,1	8,3	5,1	5,8	6,7
Армения	2,9	4,4	8,9	3,4	8,2	7,7	2,6	5,8	3,0
Кыргызстан	5,6	10,2	24,5	6,9	8,0	16,5	2,7	6,6	7,5

Примечание: наша разработка на основе [5].

В 2006—2014 гг. среднегодовые темпы инфляции составили в Беларуси 22,1 %, что значительно превышает показатели остальных стран: в России — 8,8; Казахстане — 8,5; Армении — 5,2; Кыргызстане — 9,8 %.

Обеспечение долговременной стабильности обменных курсов стран-участниц по отношению друг к другу, в том числе с помощью механизмов ограничения взаимных колебаний курсов.

С 01.01. 2009 г. по 01.01. 2014 г. белорусский рубль по отношению к российскому рублю снизился с 76,89 до 290 р., или в 3,8 раза, к казахстанскому тенге — с 18,21 до 61,73 р., или в 3,4 раза. Казахстанский тенге к российскому рублю за этот же период изменился с 24,25 до 21,18 р. за 100 тенге, т. е. снизился на 14,5 %. В 2014 г. валютные курсы стран — участниц ЕАЭС также характеризовались высокой волатильностью по отношению друг к другу (табл. 4). Большая изменчивость была характерна для курсов валют стран-участниц к российскому рублю, которая была сопоставима или даже превышала размах колебаний этих валют по отношению к доллару США.

Таблица 4. Изменение обменных курсов национальных валют стран ЕАЭС в 2014 г., %

Валюта	Российский рубль	Белорусский рубль	Казахстанский тенге	Армянский драм	Кыргызский сом	Доллар США	Евро
Российский рубль	—	-13,3	-45,5	+85,3	-44,0	-41,9	-34,1
Белорусский рубль	+28,6	—	-5,7	...	-4,7	-25,0	-10,1
Казахстанский тенге	+33,1	+98,5	—	...	+1,0	-18,4	-4,5
Армянский драм	-34,5	+18,6	+1,2	—	1,2	-17,1	-3,2
Киргизский сом	-42,1	-4,3	+0,8	+2,0	—	+15,7	+5,5

Примечание: наша разработка на основе [21 – 25].

Следует учитывать, что страны ЕАЭС применяют режим плавания (управляемого) в соответствии с последней классификацией МВФ (2009) и их динамика и относительная стабильность определялась мерами валютной политики, а в Республике Беларусь еще и значительным числом валютных ограничений. В долгосрочном периоде взаимная волатильность курсов национальных валют остается высокой.

5. Политическая интеграция. Высокая степень политической интеграции достигнута после распада СССР благодаря созданию СНГ, ЕврАзЭС, Союза Беларуси и России, Таможенного союза России, Беларуси и Казахстана, а в последующем с 01.01. 2012 г. — ЕЭП и с 01.01. 2015 г. — ЕАЭС. Существуют долгосрочные политические ориентиры на взаимное сближение. В частности, с 18.11. 2011 г. главами государств стран ЕЭП были подписаны Декларация о Евразийской экономической интеграции; Договор о Евразийской экономической комиссии (ЕЭК), Регламент работы ЕЭК. С 2015 г. образован ЕАЭС в составе четырех стран, к которому с 21.05. 2015 г. присоединился Кыргызстан.

В целом, на основе оценки рассмотренных критериев и показателей оптимальности валютной интеграции можно сделать вывод, что для создания валютного союза стран ЕАЭС необходимо решение задачи достижения реальной конвергенции экономик стран-участниц.

Данные выводы подтверждаются и другими исследованиями перспектив валютной интеграции в странах СНГ [2; 26]. Так, в рамках методологического подхода, представленного в работе [26] для этого были использованы следующие критерии оптимальности валютной зоны (реальной конвергенции) и отвечающие им показатели:

- стабильность обменного курса (индекс оптимальной валютной зоны (ОВЗ));
- уровень взаимной торговли (соотношение внешнеторгового оборота товаров и услуг с Россией к ВВП России);
- корреляция экономических циклов (индикатор корреляции темпов прироста реального ВВП);
- уровень концентрации экспорта и импорта товаров (среднегодовой индекс концентрации экспорта и импорта товаров, рассчитываемый и публикуемый ЮНКТАД);
- уровень развития финансового рынка (соотношение объема финансового рынка страны и ее ВВП) [26, 27].

Центральным показателем оптимальности является индекс оптимальной валютной зоны, характеризующий волатильность взаимного обменного курса валют интегрирующихся стран и перспективность их валютно-экономического сближения. В качестве страны — якоря интеграционного процесса была выбрана Россия. К странам, не удовлетворяющим критериям оптимальности,

были отнесены страны, показатели которых выше (ниже) среднего арифметического по выборке (табл. 5).

Таблица 5. Показатели оптимальности валютных зон для стран — членов СНГ в 2000—2012 гг. [26, 28]

Страна	Индекс ОВЗ	Соотношение внешнеторгового оборота товаров и услуг с Россией к ВВП России	Показатель корреляции экономических циклов	Среднегодовой индекс концентрации экспорта и импорта товаров	Соотношение объема финансового рынка к ВВП
Азербайджан	0,21274	0,00309	0,08505	0,72913	0,11948
Армения	0,08431	0,00144	0,07650	0,27999	0,15482
Беларусь	0,17899	0,03370	0,03178	0,24204	0,22077
Казахстан	0,02842	0,02163	0,03076	0,55967	0,58026
Киргизия	0,05982	0,00199	0,03358	0,23655	0,06457
Молдова	0,08654	0,00228	0,04069	0,19976	0,26124
Таджикистан	0,08727	0,00193	0,01838	0,56031	0,17220
Туркменистан	0,69075	0,00103	0,03769	0,60586	0,01956
Узбекистан	0,21950	0,00507	0,01945	0,30239	0,00776
Украина	0,06974	0,04412	0,06783	0,13194	0,62913
Среднее значение	0,17181	0,01163	0,04417	0,38476	0,22298
Число стран, не удовлетворяющих критерию	4	7	3	4	7

Несоответствие значений показателей по странам данным оценочным параметрам свидетельствует об их недостаточной реальной конвергенции и неготовности к формированию валютного союза.

Страны ЕЭП соответствуют *оценочным* параметрам лишь частично, и необходима целенаправленная работа по оптимизации названных показателей.

Из проведенного анализа можно сделать вывод, что такая модель валютной интеграции, как формирование валютного союза стран — членов ЕАЭС пока не может быть реализована в силу отсутствия ряда необходимых предпосылок.

Таким образом, валютная интеграция закономерно выступает важнейшей стадией развития международной экономической интеграции.

Анализ и оценка современного состояния и перспектив валютной интеграции в рамках ЕАЭС показали, что в настоящее время она не отвечает ряду критериев, необходимых для создания оптимальной валютной зоны в форме валютного союза.

Модель валютной интеграции в форме валютного союза стран — членов ЕАЭС может быть реализована в средне- или долгосрочном периоде по мере формирования необходимых предпосылок, прежде всего реальной конвергенции национальных экономик интегрирующихся стран.

Литература и электронные публикации в Интернете

1. О согласованных принципах валютной политики: Соглашение Таможенного союза от 09. 12. 2010 г. [Электронный ресурс] // Евразийский деловой совет. — Минск, 2014. — Режим доступа: <http://www.customs-union.com/документы/соглашение-от-9-декабря-2010-г-«о-0.»>. — Дата доступа: 15.07.2015.

2. Дробышевский, С. М. Проблемы создания единой валютной зоны в странах СНГ [Электронный ресурс] / С. М. Дробышевский, Д. И. Полевой // Институт эко-

номики переходного периода. — 2004. — Режим доступа: http://www.iep.ru/files/text/working_papers/80.pdf. — Дата доступа: 22.02.2014.

Drobyshchevskiy, S. M. Problemyi sozdaniya edinoi valyutnoy zonyi v stranah SNG [Problems of creating a common currency area in CIS countries] [Elektronnyiy resurs] / S. M. Drobyshchevskiy, D. I. Polevoy // Institut ekonomiki perehodnogo perioda. — 2004. — Rezhim dostupa: http://www.iep.ru/files/text/working_papers/80.pdf. — Data dostupa: 22.02.2014.

3. *Манделл Р.* Теория оптимальных валютных зон / Р. Манделл // Евродитя Манделла? Теория оптимальных валютных зон : пер. с англ. : сб. ст. — М. : Дело, 2002. — 386 с.

Mandell R. Teoriya optimalnykh valyutnykh zon [The Theory of Optimum Currency Areas] / R. Mandell // Evroditya Mandella? Teoriya optimalnykh valyutnykh zon : per. s angl. : sb. st. — М. : Delo, 2002. — 386 p.

4. *Дробышевский, С. М.* Сравнительный анализ денежно-кредитной политики в переходных экономиках / С. М. Дробышевский [и др.]. — М. : Институт экономики переходного периода, 2003. — 227 с.

Drobyshchevskiy, S. M. Sravnitelnyiy analiz denezhno-kreditnoy politiki v perehodnykh ekonomikah [Comparative analysis of monetary policy in the economies in transition] / S. M. Drobyshchevskiy [i dr.]. — М. : Institut ekonomiki perehodnogo perioda, 2003. — 227 p.

5. World Bank Open Data [Electronic resource]. — Washington, 2015. — Mode of access: <http://www.data.worldbank.org>. — Date of access: 15.07.2015.

6. Платежный баланс, международная инвестиционная позиция и внешний долг Республики Беларусь за 2014 год. Предварительные данные [Электронный ресурс] // Нац. банк Респ. Беларусь. — Режим доступа: <http://www.nbrb.by/>. — Дата доступа: 15.07.2015.

7. Платежный баланс и внешний долг Республики Казахстан за 2014 год [Электронный ресурс] // Нац. банк Респ. Казахстан. — Режим доступа: <http://www.nationalbank.kz/>. — Дата доступа: 15.07.2015.

8. Платежный баланс, международная инвестиционная позиция и внешний долг Российской Федерации. 2014 год [Электронный ресурс] // Центральный банк Рос. Федерации. — Режим доступа: <http://www.cbr.ru/statistics/?PrId=svs>. — Дата доступа: 15.07.2015.

9. Платежный баланс Кыргызской Республики за 2014 год [Электронный ресурс] // Нац. банк Кыргызской Респ. — Режим доступа: <http://www.nbkr.kg/index1.jsp?item=138&lang=RUS>. — Дата доступа: 15.07.2015.

10. Социально-экономическое положение Республики Армения в январе — декабре 2014 г. [Электронный ресурс] // Нац. стат. служба Респ. Армения. — Режим доступа: <http://www.armstat.am/ru/?nid=82&id=1638>. — Дата доступа: 15.07.2015.

11. Миграция населения [Электронный ресурс] // Межгосударственный стат. ком. Содружества Независимых Государств. — Режим доступа: <http://www.cisstat.com/>. — Дата доступа: 15.07.2015.

12. Российский статистический сборник, 2013 [Электронный ресурс] // Федеральная служба государственной статистики. — Режим доступа: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/publications/catalog/doc_1135087342078. — Дата доступа: 15.07.2015.

13. Казахстан. Предварительные данные за 2014 г. [Электронный ресурс] // Министерство Нац. экономики Респ. Казахстан. Комитет по статистике. — 2015. — Режим доступа: <http://www.stat.gov.kz/>. — Дата доступа: 15.07.2015.

14. Статистический бюллетень «Статистическое обозрение Беларуси», 2014 г. [Электронный ресурс] // Нац. стат. комитет Респ. Беларусь. — Минск, 2014. — Режим доступа: <http://belstat.gov.by/>. — Дата доступа: 15.07.2015.

15. Concentration and diversification indices of merchandise exports and imports by country, annual, 1995–2013 [Electronic resource] // United nations conference on trade and development (UNCTAD). — 2015. — Mode of access: <http://unctadstat.unctad.org/TableView/tableView.aspx?ReportId=120>. — Date of access: 15.07.2015.

16. Национальный статистический комитет Республики Беларусь [Электронный ресурс]. — Минск, 2015. — Режим доступа: <http://www.belstat.gov.by/>. — Дата доступа: 15.07.2015.

17. Федеральная служба государственной статистики Российской Федерации [Электронный ресурс]. — 2015. — Режим доступа: <http://www.gks.ru/>. — Дата доступа: 15.07.2015.

18. Министерство национальной экономики Республики Казахстан. Комитет по статистике [Электронный ресурс] — 2015. — Режим доступа: <http://www.stat.gov.kz/>. — Дата доступа: 15.07.2015.
19. Национальная статистическая служба Республики Армения [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.armstat.am>. — Дата доступа: 15.07.2015.
20. Соглашение о согласованной макроэкономической политике: Соглашение Таможенного союза от 09. 12. 2010 г. [Электронный ресурс]. — Минск, 2014. — Режим доступа: <http://belarus.news-city.info/docs/2010by/crxfnm-tcgkfnj11636.htm>. — Дата доступа: 15.07.2015.
21. Национальный банк Республики Беларусь [Электронный ресурс]. — Минск, 2015. — Режим доступа: <http://www.nbrb.by/statistics>. — Дата доступа: 15.07.2015.
22. Национальный банк Республики Казахстан [Электронный ресурс]. — 2015. — Режим доступа: <http://www.nationalbank.kz>. — Дата доступа: 15.07.2015.
23. Центральный банк Российской Федерации [Электронный ресурс]. — 2015. — Режим доступа: <http://www.cbr.ru/statistics>. — Дата доступа: 15.07.2015.
24. Национальный банк Кыргызской Республики [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.nbkr.kg/>. — Дата доступа: 15.07.2015.
25. Центральный банк Республики Армения [Электронный ресурс]. — 2015. — Режим доступа: <http://www.cba.am/>. — Дата доступа: 15.07.2015.
26. *Котляров, Н.* Оценка перспектив евразийской валютно-экономической интеграции / Н. Н. Котляров, П. В. Алексеев // Деньги и кредит. — 2014. — № 6. — С. 24–30.
- Kotlyarov, N.* Otsenka perspektiv evraziyskoy valyutno-ekonomicheskoy integratsii [Evaluation of prerequisites of the Eurasian monetary and economic integration] / N. N. Kotlyarov, P. V. Alekseev // Dengi i kredit. — 2014. — N 6. — P. 24–30.

ANNA LEVKOVICH

**EVALUATION OF PROSPECTS FOR
MONETARY INTEGRATION OF THE EURASIAN
ECONOMIC UNION COUNTRIES**

Author affiliation. *Anna LEVKOVICH* (Anna.levkovich@mail.ru), *Belarusian State Economic University (Minsk, Belarus)*.

Abstract. The article examines prerequisites for and reveals factors that determine integration decisions within the EEU. Prerequisites for monetary integration are evaluated by the criteria of economy openness, mobility of factors of production, economy diversification, inflation rates, and exchange rate stability between member countries. The conclusion is made that the model of monetary integration in the form of a monetary union can be implemented in the medium or long term with the fulfilment of real convergence of national economies of the integrating countries.

Keywords: monetary integration, Eurasian Economic Union, monetary union, openness of economy, real convergence.

UDC 339.742.2

*Статья поступила
в редакцию 20.07. 2015 г.*